

Н. А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА

Воспоминания

<...> Некоторое время спустя ¹ явился в Лондон человек, о котором говорила чуть не вся Россия, о котором мы постоянно слышали, который много писал, о котором постоянно упоминали в печати, которого не только хотелось видеть, но хотелось узнать... Это был Николай Гаврилович Чернышевский. До его посещения кто-то (не помню именно кто) приезжал от него из России с запросом к Герцену; вот в чем состоял этот запрос: если издание «Современника» будет запрещено в России, чего ожидали тогда, согласен ли будет Герцен печатать «Современник» в Вольной русской типографии в Лондоне? ² На это предложение Герцен был безусловно согласен. Тогда Чернышевский решил ехать сам в Лондон для личных переговоров с Александром Ивановичем.

Как теперь вижу этого человека: я шла в сад через зал, неся на руках свою маленькую дочь, которой было немного более года; Чернышевский ходил по зале с Александром Ивановичем; последний остановил меня и познакомил с своим собеседником. Чернышевский был среднего роста; лицо его было некрасиво, черты неправильны, но выражение лица, эта особенная красота некрасивых, было замечательно, исполнено кроткой задумчивости, в которой светились самоотвержение и покорность судьбе. Он погладил ребенка по голове и проговорил тихо: «У меня тоже есть такие, но я почти никогда их не вижу» ³.

Кажется, Герцен и Чернышевский виделись не более двух раз ⁴. Герцену думалось, что в Чернышевском недостает открытости, что он не высказывается вполне ⁵; эта мысль помешала их сближению, хотя они понимали обоюдную силу, обоюдное влияние на русское общество... Вести, привезенные Чернышевским, были неутешительны, исполнены печальных ожиданий. Насчет издания «Современника» они столковались в несколько слов: Чернышевский обещал, если нужно будет, высылать рукописи и деньги, нужные на бумагу и печать; корректуру должны были держать Герцен и Огарев.